

События главы происходят во время первого тома пятой части (22 том по сквозной нумерации)

ВНИМАНИЕ! ВНИМАНИЕ! Эта глава содержит значительные спойлеры к части ранобе, переведённой только рулейтом. Если вы читаете только в переводе novel.tl, вам не следует читать эту главу, вы словите спойлеры и ничего не поймёте

Донос Матиаса ознаменовал неожиданное возбуждение в дворянской академии для бывшей фракции Вероники. В комнате, полной студентов из этой же фракции, быстрым шагом ко мне приближалась девушка — нас с первого взгляда можно определить как брата и сестру из-за бледно-зелёного цвета волос. То была моя сестра Кассандра.

— Брат Бартольд, всё случившееся — это ужасно. Наши родители в порядке? Они, правда, были близки с госпожой Георгиной? Тибельда находится в детской комнате...

Я попытался успокоить сестру, тёмно-зелёные глаза которой бегали в тревоге, а лицо пребывало в напряжении, взяв её за руку. Я тоже волнуюсь за младшую сестру Тибельду, но сейчас спокойствие Кассандры важнее.

— Будем надеяться, что её это не коснулось... Те, кто в детской комнате, даже младше нас, их должны защитить. Похоже, Матиас купил для нас возможность выжить.

— Да, мы должны быть благодарны Матиасу за его старания, что нас не считают преступниками...

Я, соглашаясь, кивнул на слова Кассандры, но внутри меня кипела злоба на Матиаса. Потому что, если его отца, гиба Герлаха, схватят за связи с госпожой Георгиной, наши родители также окажутся преступниками.

— Я сам защищу вас. Так что будь осторожна. Не поддавайся панике и страху, чтобы не совершить опрометчивых поступков.

— Спасибо, брат Бартольд, мне стало спокойнее. Мы не должны поддаваться панике. Я верю в отца.

Я улыбнулся Кассандре, с широкой улыбкой говорящей о вере в наших родителей.

Как минимум, я должен защитить её...

— С возвращением, господин Бартольд. У вас мрачный вид, что-то произошло? — спросил меня заметивший неладное Льюис, протягивая магический инструмент, препятствующий подслушиванию, когда я вернулся в свою комнату. Я схватил его и на одном дыхании выпалил:

— Матиас предал нас. Он рассказал кандидатам в аубы о визите госпожи Георгины и части зимнего плана.

— Как?!

Неудивительно, что Льюис удивлен. Главным лицом в плане захвата основания Эренфеста госпожой Георгины был гиб Герлах. Никто и подумать не мог, что его сын предаст свою семью.

— Это так. Ему как-то удавалось скрывать свои предательские намерения от всегда настороженного дяди. Он действительно его сын.

Я не в силах подавить бушующий внутри меня гнев. Ближайший сподвижник госпожи Георгины и мой дядя по материнской линии — гиб Герлах.

— Матиас и моя семья. Родители рассказывали мне, что его допустили поприветствовать госпожу Георгину, поскольку почти вся его семья посвятила ей свои имена, а он является отличником и к тому же пообещал посвятить ей своё имя с совершеннолетием.

Я гордился двоюродным братом, но в то же время и завидовал из-за того, что он смог лично поприветствовать её, даже будучи несовершеннолетним и не посвятившим имени, так что мне тоже хотелось стать отличником. Как и он, я упорно работал, увеличивая объем магической силы при помощи метода сжатия госпожи Георгины, о котором мне рассказали родители, чтобы также стать отличником.

Какая глупость!

— Матиаса обучили методу сжатия госпожи Георгины, и он поклялся посвятить своё имя, когда достигнет совершеннолетия. Но он перешёл на сторону семьи ауба под видом жертвы и прямо заявил, что доносит с целью защитить студентов бывшей фракции Вероники! Неблагодарный дурак!

Солидарный со мной Льюис крепко сжимал зубы.

— Даже если они получили известие сейчас, на сбор рыцарей уйдёт время, а у нас есть несколько друзей среди них. Все ещё есть вероятность, что госпожа Георгина завершит свой план, или все смогут сбежать...

— Едва ли.

Пока студенты отбывают в дворянскую академию, ауб Эренфест не может покинуть замок, так как ему необходимо активировать круг перемещения. Ещё, когда период зимних кругов общения только начался, в замке собралась и взрослая свита госпожи Розмайн. Насколько я знал, план намечен на это время. Отцы должны были собраться уже сейчас для поддержки действий госпожи Георгины.

— Многих жертв удалось бы избежать, если бы только это не случилось, когда все собрались...

— И из всех дней именно сегодня.

— Наверное, он серьёзно хотел прихлопнуть нас. Проклятье! Матиас!

На ум сразу приходят его слова в свою защиту: «Я пытаюсь спасти жизни каждого», «Герцогская семья в курсе наших планов». То ли обманутый этим, то ли изначально предавший Лáuренц на его стороне.

— Доводы Матиаса сомнительны, судя по реакции кандидатов в аубы и даже Лáuренца.

Немыслимо, чтобы семья герцога знала о плане госпожи Георгины. Лица двух кандидатов в аубы выразили удивление от услышанной истории Матиаса, а их свита сказала: «Мы должно немедленно об этом сообщить». Похоже, они уже составили план спасения жизни студентов, так как что-то знали внутри семьи, но им не должны были быть известны подробности.

— Я тоже думаю, господин Бартольд, что, в лучшем случае, семья герцога лишь подозревала, что может что-то произойти.

Если бы только этот идиот Матиас не высказал что-то настолько глупое, госпожа Георгина завладела бы основанием и обернула всё в свою пользу, пока семья герцога могла бы лишь наблюдать.

Если бы только она сделала это, старая фракция Вероники не была бы в смертельной опасности. Напротив, уже семья герцога и Лейзеганги оказались бы повергнутыми. Это всё его вина, что члены бывшей фракции Вероники теперь должны посвятить свои имена.

— Он подверг нас всех опасности, чтобы спасти наши жизни? Какая спесь!

— Очевидно, он понимает, что мы даже не можем обвинить его в предательстве. Господин Бартольд, вы молодец, что сдержались.

Я сжал кулаки из-за похвалы Льюиса. Он прав. Теперь на Матиаса донести не получится. Я был старшим чиновником-учеником среди детей, участвующих в плане госпожи Георгины, поэтому только мне родители рассказали о деталях. Я должен был дать указания членам фракции и возглавить общежитие, когда госпожа Геогина захватила бы основание. Даже моя

единоутробная сестра Кассандра не была осведомлена.

— Если мы расскажем, что знаем о плане больше, чем Матиас, герцогская семья нас схватит как предателей. Пока ситуация в герцогстве не прояснится, нет другого выбора, кроме как подражать реакции госпожи Кассандры и притвориться, что ничего не знаем. От одной мысли об этом у меня скрутило живот.

— Кандидаты в аубы поспешили оповестить герцога. Не можем ли мы также сообщить отцу о произошедшем?

— Если кандидаты в аубы узнают об этом, мы больше не сможем использовать переход.

Не думаю, что рыцари перед залом перехода возьмут письмо и передадут отцу. В противном случае оно будет использовано как предлог, чтобы войти в особняк.

— Льюис, ты можешь покинуть общежитие и встретиться с людьми из Аренсбаха? Если ты выйдешь через заднюю дверь, ты сможешь добраться на ездовом звере.

Личные броши даны студентам и сопровождающим кандидатов в аубы и используются для перемещения через главную дверь в центральное здание. Слугам остальных студентов их не выдают, так как они не покидают общежития. Тем не менее они могут выйти через заднюю дверь.

— Не было бы быстрее и надежнее использовать ордоннанц?

— Нет. Главный слуга господина Вильфрида — господин Освальд, предупредил насчет этого. Похоже, господин Фердинанд предпринял против этого меры.

Господин Фердинанд работал над этим некоторое время, пока неожиданное изменение планов не заставило его покинуть Эренфест. Все говорили, что если кто и помешает госпоже Георгине осуществить планы, так это он, и это поистине неприятно.

— Насколько можно доверять господину Освальду?

— Отец говорил, что он посвятил своё имя госпоже Веронике. Не сомневаюсь, что он заинтересован хотя бы в том, чтобы предотвратить исчезновение своей фракции.

Бывшую фракцию Вероники можно просто описать как «анти-лейзеганги». Впрочем, есть и те, кто, как мы, ценившие госпожу Георгину и посвятившие ей свои имена, например, Освальд, посвятили имена госпоже Веронике, или средние дворяне, неспособные покинуть фракцию даже при желании из-за родственных связей. Их образ мыслей и видимого будущего совершенно разные. Их следует использовать с осторожностью.

— Информация кажется надежной. Если ордоннанцы отслеживают, то и наши перемещения под наблюдением.

— Конечно, они не дураки, чтобы дать сопровождающим выйти без проверки и надзора. Но если использовать слуг... Нет, мы не можем использовать простолюдинов.

— Да, господин. У них нет ездовых зверей, и они не знают плана дворянской академии.

Пока я думал над тем, как наладить связь, Льюис сказал следующее:

— Думаю, лучше не покидать общежитие, — он остановился из-за кашля. — На собрании для сопровождающих в дворянской академии господин Освальд сказал, что мы должны оставаться в общежитии и самоотверженно служить своим господам, что бы не случилось зимой. Учитывая новые обстоятельства, полагаю, это было секретное послание.

— Будет сложно передавать информацию без ордоннанцев, оставаясь в общежитии. Но они не могут держать нас взаперти вечно... Как насчёт использовать студенческие встречи, чтобы связаться с другими герцогствами?

Кандидаты в аубы будут стараться скрыть этот инцидент. О некомпетентности ауба станет известно всем. Маловероятно, что всех студентов из бывшей фракции Вероники отстранят от церемонии продвижения и студенческих встреч. Предвижу, как другие герцогства будут поражены.

— Если я буду действовать, как старшекурсника, меня, скорее всего, заметят и накажут, но если первогодка...

Первокурсники ещё слишком малы, они волнуются из-за их первого года в дворянской академии, и им только что сказали, что они больше никогда не увидятся с семьёй. Не секрет, что они напуганы.

— Не повредит ли это первогодкам?

— Нет, милостивая святая, дающая слащавые обещания, защитит их, так что они не будут наказаны со всей строгостью.

Я развеял опасения Льюиса, махнув рукой:

— Я слышал, госпожа Розмайн обратилась к аубу с прошением о нашем помиловании. Она кажется мне такой глупой идеалисткой, которая даже не думает о причинах распрей, но в этот раз я благодарен за спасение. Даже если прочие кандидаты в аубы будут требовать наказания для нас, она будет отчаянно защищать первогодок.

Благодаря вводимым ей тенденциям и новой отрасли голос госпожи Розмайн имеет вес в семье герцога. Если она отчаянно заступится за нас, другие кандидаты в дворянской академии не смогут навязать требования. Насколько окажутся бдительными кандидаты в дворянской академии, и что они смогут стерпеть? Стоит попробовать.

В итоге письмо первокурсника, которого побудили его написать, было обнаружено Лáuренцом и не успело покинуть общежитие, а всех студентов из бывшей фракции Вероники не допустили к церемонии продвижения и студенческим встречам.

Хоть мы не смогли отправить письмо, в других герцогствах могут почувствовать неладное?..

Ситуация обстояла так, что я не мог поговорить ни с кем, кроме знакомых студентов Эренфеста. Даже без письма кто-нибудь из Аренсбаха заметил бы что-то странное. Меня раздражает, что я связан в своих действиях, но мне нельзя действовать неосмотрительно и дискредитировать себя.

Ещё возможно, что родители сбежали...

— Нельзя поднимать шума, чтобы не оступиться. Слов или действий одного человека достаточно, чтобы определить будущее каждого!

Матиас и Лáuренц намного строже к первокурсникам, чем кандидаты в аубы, и другие студенты смотрят на них с неприязнью. Меня тоже они раздражают.

Будущее каждого здесь на кону из-за слов одного лишь Матиаса.

— Если ты посветишь имя, ты спасёшь свою жизнь, — обратился Матиас к написавшему письмо первокурснику.

Я знаю правду и не могу думать, что Матиас спас наши жизни.

— Матиас, Лáuренц, Не будьте такими чёрствыми.

— Но Бартольд. Из-за его действий все оказались в опасности. Я должен предупредить его больше так не рисковать.

Я одарил Матиаса и Лáuренца осуждающим взглядом, пряча первокурсников за спиной.

— Это нормально волноваться о семье, и, когда твоя жизнь в опасности, трудно сохранить спокойствие. Вы этого не понимаете, потому что осудили своих родных...

— Бартольд! — крикнул Ла́уренц после моих слов, а лицо Матиаса ожесточилось.

Но это донос Матиаса убьёт мою семью. Моя колкость нисколько не умаляет мою обиду. Я фыркнул и постарался утешить первогодок.

— Ты хотел лишь пообщаться со своей семьей. Я думаю, что это хорошо волноваться о семье, и это правильно волноваться и любить их, но теперь это может быть опасно. Ты понимаешь?

— Да... Простите. Я больше не буду делать ничего опасного.

Первокурсники сели в углу комнаты, опустив плечи и понутив головы. Их собрали в одной комнате для надзора. И они не могут вернуться в свои комнаты или спрятаться в потайной комнате. Им даже нельзя плакать. Матиас с грустью смотрит на них, возможно, немного осознавая бесчеловечность собственных слов и поступков.

Между тем пришли первые вести о проведённой чистке. Детали остались неизвестны. Впрочем, даже если информация просочилась в другие герцогства, это не сочли важным, и студенты бывшей фракции Вероники вернулись к нормальной жизни в дворянской академии. Должно быть моих родителей схватили.

— Если вас сочтут преступниками, пожалуйста, подумайте заранее, кому посвятите имя.

От господина Вильфрида пришел господин Освальд, от госпожи Розмайн — Родерих, от госпожи Шарлотты — госпожа Натали. Каждый из них рассказывал о достоинствах своего господина.

Мне не нравится то, что Родерих с низов фракции с важным видом пришёл уговаривать меня. Он пытается рассказать мне, какая госпожа Розмайн чудесная, но одна мысль вверить свою жизнь в руки дворянки из рода Лейзегангов приводит меня в ужас.

— Кому ты посветишь свое имя, брат Бартольд?

В тёмно-зелёных беспокойных глазах Кассандры я вижу свое отражение.

— Господину Вильфриду. Кому же ещё?

Есть только один кандидат в аубы из одной со мной фракции. Не существует иного выбора. Я не могу отдать свое имя потомку Лейзегангов, по слухам простолюдинке. Господин Сильвестр — враг госпожи Георгины. Она не может доверять человеку, заключившему её мать в белую башню и распустившему собственную фракцию. Фракция Лейзегангов поддерживала госпожу

Флоренцию с самого момента заключения брака. Воспитанные ею госпожа Шарлотта и господин Мельхиор, возможно, будут идти в ногу с Лейзегангами.

Но для девушки выбор госпожи Шарлотты не так плох. Кассандра сможет покинуть Эренфест в будущем и вступить в брак.

— Кассандра, ты ещё ученица и не можешь служить господину Вильфриду, так как он мужчина. Если кому и посвящать имя, так это госпоже Шарлотте.

— Хм, почему? Госпожа Розмайн из рода Лейзегангов, но кажется мне надёжной, судя по тому, как она обращается с господином Родерихом.

Я не считаю её плохим человеком, хоть она слишком идеалистична и наивна. Мне противно видеть, как нижестоящий Родерих теперь близкий чиновник в свите, но легко представить, что мы также войдем в свиту, если назовем свои имена. А положение в свите первой жены следующего ауба кажется заманчивым. Однако она всё ещё прямой потомок Лейзегангов, о которой говорят, что она простолюдинка. Я не хочу, чтобы бывшая фракция Вероники была унижена ещё больше, чем сейчас.

— Ты права, Кассандра. На первый взгляд госпожа Розмайн — идеальная госпожа. Но она слишком хрупка, и мне, как брату, беспокойно верить твою жизнь ей в качестве ближайшей слуги.

Кассандра моргнула, как будто впервые осознав это, и издала протяжное «Ооо...» Люди вокруг обернулись ко мне, прислушиваясь. Я повысил голос так, чтобы меня слышала не только Кассандра, но и окружающие, и рассказал о своих опасениях по поводу госпожи Розмайн. Болезненность госпожи, вероятно, напрямую отразится на работе учеников в её свите; также, когда она вернется в герцогство, свита не всегда сможет жить в тех же условиях, что и в дворянской академии, из-за присутствия взрослых; а госпожа Шарлотта, скорее всего, выйдет замуж за пределами родного герцогства, и потому девушки в свите тоже смогут заключить браки вовне; и так далее...

— Барт Бартольд, ты невероятен. Я не задумывалась так далеко.

Мой рассказ привел к тому, что очень немногие решили посвятить свои имена госпоже Розмайн.

— Господин Бартольд, можно вас на пару слов?

— Да, господин Освальд.

Главному слуге господина Вильфрида, говорят, доверяла сама госпожа Вероника. Несмотря на угрозу лишения поста наследника из-за инцидента с белой башней, он все ещё остается близким помощником семьи герцога. Судя по его заслугам, он весьма компетентен.

— Я рад видеть, что вы решили посвятить свое имя господину Вильфриду, и что поведали правду о госпоже Розмайн. Нам удалось избежать того, что бывшая фракция Вероники, поредевшая из-за чистки, была бы раздавлена фракцией Лейзегангов.

Я кивнул, видя, как господин Освальд вздыхает с облегчением.

— Как сподвижник господина Вильфрида вы встанете во главе герцогства. Господин Вильфрид станет следующим аубом. Мы встанем на путь восстановления фракции, не сейчас, но в будущем, во главе с господином Вильфридом. Но с восстановлением фракции будет много проблем.

То, что рассказал далее господин Освальд, было секретом герцога и его первой жены. С его слов, госпожу Флоренцию не устраивал уклад вещей в Эренфесте, и потому госпожа Вероника отвергла её. Поэтому она сблизилась с дворянами Лейзеганга, но когда свекровь была свергнута, она вышла из тени, чтобы нарастить влияние. По сути он утверждает, что у госпожи Флоренции, хоть она и его мать, не было права вмешиваться в образование господина Вильфрида, чью церемония крещения провела госпожа Вероника.

— Похоже, она не понимает, что значит для кандидата в аубы переехать из покоев родителей в северное крыло после крещения. Как кандидату, ставшему отличником в дворянской академии, господину Вильфриду более не требуется родительский контроль. Поэтому я пытаюсь в последнее время держать его подальше от госпожи Флоренции. Господин Вильфрид очень прямолинеен, и легко поддается влиянию.

Верно, теперь, когда будущей первой женой определена госпожа Розмайн, возникнут проблемы, если следующий ауб сблизится с Лейзегангами.

— Но с другой стороны, похоже, госпожа Шарлотта и госпожа Розмайн неудовлетворены тем, что господин Вильфрид станет следующим аубом. Они хотят присвоить его достижения, и я не знаю, как упорочить положение господина Вильфрида.

Семья герцога должна объединиться вокруг следующего ауба, на что с грустью указывает господин Освальд. Я слышал, что госпожа Вероника делала то же самое, чтобы привести господина Сильвестра к посту следующего ауба.

Родители рассказывали, как госпожа Георгина была смещена с позиции следующего ауба из-за того, что является женщиной — именно так делается в Эренфесте. Теперь её чувства мне стали понятнее.

— Проблема в том, что господину Вильфриду приказали игнорировать бывшую фракцию

Вероники. Герцог и первая жена провели чистку нашей фракции и перебежали к Лейзегангам.

Я услышал скрип собственных зубов от слов господина Освальда. Мои родители были казнены с лёгкой руки ауба вместе с чистой собственной фракции. «Для Эренфеста лучший ауб — госпожа Георгина, нежели господин Сильвестр», — достигли меня слова отца.

Отец был прав...

Если бы не донос Матиаса, госпожа Георгина могла бы уже забрать основание. Мы могли бы успеть. Мне горько возвращаться туда. Теперешний Эренфест должен быть разрушен.

Я не испытываю особых чувств к кандидатам в аубы. Что действительно бьётся в моем сердце, так это сочувствие к госпоже Георгине, злость на Матиаса за разрушение плана и моё желание отомстить аубу Эренфеста.

— Я немного опасался посвящать имя, но, думаю, привыкну к должности в свите господина Вильфрида. Направьте меня на верный путь.

С гневом в сердце я опустил взгляд, чтобы нельзя было прочесть мои эмоции, и преклонил колено перед господином Освальдом.

<http://tl.rulate.ru/book/71458/2664793>